

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Vozrojdenie — La Renaissance

подъ редакціей ПЕТРА СТРУВЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
QUOTIDIEN RUSSE

Rédacteur en chef: PIERRE STRUVE

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Во Франціи 1 мѣс. 8 фр. 50 3 мѣс. 24 фр. 6 мѣс. 45 фр. 12 мѣс. 85 фр.
За-границей " 10 фр. 50 " 30 фр. " 55 фр. " 100 фр.

Редакція: 5, rue des Gobelins, Paris (XIII); Тел.: Gobelins 41-59.
Конттора: 4, rue de Séze, Paris (IX); Téléphone: Central 61-68.

ЦѢНА НОМЕРА: Въ Англіи 11/2 пен. | Въ Германіи 10 пф. | Въ Чехословакіи 70 чех.
Ев. Бельгіи 20 б.с. | Въ Польшѣ 10 злот. | Въ Югославіи 11/2 динар.

Новое о Чехове

А. П. ЧЕХОВЪ. Труды Пушкинско-го дома при Российской Академии Наукъ. Изд. «Ленин» 1925

Состоящий при Академии Наукъ «Пушкинский домъ» только что выпустил сборникъ, посвященный Чехову. Въ сборникъ вошли 1) писанія о Чеховѣ и 2) писанія самого Чехова. Первые не прибавляютъ чего либо существеннаго къ тому, что уже раньше было сказано въ печати о Чеховѣ.

Воспоминанія Бони, конечно, изложены образцово въ литературномъ отношеніи. Но какихъ либо новыхъ приходовъ для характеристики Чехова мы въ нихъ не находимъ. Щепкина Куерникъ распространяется гораздо больше о себѣ самой, нежели о Чеховѣ. Интересны воспоминанія жены Суворина. Въ нихъ нѣтъ литературной отдалки, нѣтъ и словесохотливыхъ автобиографическихъ воспоминаній, зато Чеховъ выступаетъ живымъ изъ разныхъ житейскихъ положеній. Очень цѣнно описаніе душевнаго состоянія Чехова въ вечеръ перваго представленія «Чайки» въ Петербургѣ и передъ его ночнымъ отъѣздомъ изъ Петербурга поспѣ провала «Чайки».

Есть въ сборникѣ и теоретическая статья о творчествѣ Чехова, принадлежащая Доминину. Она производитъ довольно странное впечатлѣніе. Въ сборникѣ напечатана впервые сценка Чехова, изображающая якобы знаменитыя пьесы Суворина «Татьяна Рынниа». Сценка явно представляетъ собою шуточную шалость пера, конечно, выполненную съ литературнымъ блескомъ. Но г. Домининъ принялъ эту шуточку всерьезъ и написалъ о ней длинную, напряженную и напыщенную умными словами статью, какъ объ одностактной драмѣ, составляющей эпоху въ исканіи новыхъ драматическихъ путей. То-то послѣдняя бы самъ Чеховъ, но падись ему на глаза это удивительное изсѣдованіе! Чеховъ вѣдь умѣлъ цѣнить такую шутку.

Что, действительно, цѣнно и нужно въ сборникѣ, это подробный библиографическій списокъ всего написаннаго Чеховымъ за все періодъ его писательства, составленный Клевенскимъ.

Весь интересъ сборника заключается, однако, въ писаніяхъ самого Чехова. Тутъ помѣщено 14 юмористическихъ разсказовъ Чехова, выуженныхъ изъ старыхъ журналовъ. Это все тотъ же жанръ Антоши Чехонте, который такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. Но, конечно, каждая строка Чехова въ этомъ случаѣ любопытна. За ними слѣдуетъ уже упомянутый списокъ «Татьяны Рынниой» и, наконецъ, рядъ писемъ Чехова къ Меншикову, Тихонову - Луговому, вдовѣ Гаршиной, Героному Ясинскому, П. Безобразову и Л. Л. Толстому.

Въ письмахъ всего интереснѣе мимоходомъ оброненныя Чеховымъ замѣчанія о прочитанныхъ литературныхъ произведеніяхъ. При всей ихъ краткости они драгоцѣнны.

Чеховъ требовалъ отъ писателя прежде всего смѣлаго и смеловаго изображенія жизни. Онъ недоволенъ повѣстью Сергѣенки «Два»: «необыкновенно умственное произведеніе, дѣйствующихъ въ повѣсти не люди, а все какіе то сухіе привидѣнія». О писаніяхъ молодого безастрита Накрохина Чеховъ замѣчаетъ: «У сего писателя и окончатель прекрасна и талантъ виртуоза, но резонируетъ плохой. Надо бы побольше и поэмѣ, значительно расширить сферу наблюденій, а еще одноздно

женщина изобразить. Безъ женщины никакъ нельзя». Чеховъ не выноситъ ни литературнаго сконченства, ни условной шаблонности, ни морализированія. Брату онъ совѣтуетъ: «не зализывай, не шлепуй, а будь неуловимъ и дерзковъ». У Горькаго онъ цѣнитъ небольшія повѣсти, какъ напр. «Въ степи», «Мой спутникъ» за яркость и непринужденность изображенія и не восхищается «Омою Гордѣевымъ», перетруженнымъ сентенціями. Ту же широту онъ признаетъ и въ Толстому. «Воскресеніе» онъ читаетъ съ «заманчивымъ духомъ», но говорить при этомъ «самое не интересное все, что говорится объ отношеніяхъ Неклюдова къ Катюшѣ (т.е. все то, гдѣ Толстой морализируетъ *А. Каз.*), и самое интересное — князья, генералы, теушны, мужики, арестанты, смотрители». У Толстого «схватистое перо». А конецъ повѣсти опять такъ не удовлетворяетъ Чехова. Онъ чувствовалъ такъ нарочитую сочиненность. Отлично учитывая слабые мѣста Толстого, Чеховъ слагаетъ ему въ одномъ изъ писемъ горячій панегирикъ: «когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже «осознавать, что ничего не схватилъ и не дѣлаешь, не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ... пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлчество, наглое и слезливое, всякія шершавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ его нравственный авторитетъ способенъ держатъ на извѣстной высотѣ такъ называемыя литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безнаступное стадо или каша, въ которой трудно было бы разобраться».

Благодарная была бы задача собрать изъ всѣхъ писемъ Чехова его сужденія о литературныхъ произведеніяхъ и систематизировать ихъ. Это бросило бы яркій свѣтъ на поэтику самого Чехова.

А. Кизеветтеръ.